

ВВЕДЕНИЕ

Проблема искренности слишком сложна и многогранна, чтобы ее можно было решить вне рамок междисциплинарного дискурса.

Г. Фолкенберг

Единственным источником информации для социолога, использующего опросные методы сбора данных, выступают вербальные самоотчеты респондентов. От того, насколько искренними, правдивыми они являются, во многом зависят достоверность и качество итоговых данных. В этих условиях установление наиболее эффективных методов диагностики искренности опрашиваемых и их адаптация к российской специфике – одна из важнейших задач современной эмпирической социологии. Без ее решения не может быть и речи ни о постановке верного социального диагноза, ни о выработке точного экономического и политического прогноза.

В мировой социологии сегодня идет интенсивный процесс проблемно-тематической переориентации массовых опросов, характеризующийся заметным усилением степени остроты и деликатности тем, выносимых на обсуждение с респондентами. В последние годы социологи все чаще и чаще обращаются к

изучению таких социально значимых, но индивидуально острых и ранее табуированных вопросов, как употребление алкоголя и наркотиков, физическое и ментальное здоровье, СПИД и образцы сексуального поведения, гомосексуальный опыт и отношение к сексуальным меньшинствам, аборты и средства контроля за рождаемостью, самоубийства и т.п. Исследования общественного мнения проводятся сегодня и по многим другим неприятным или «устрашающим» проблемам: терроризм, бедность, нелегальное владение оружием, иммиграция и иммигранты и т.д. И хотя любой, даже самый безобидный вопрос, как считает Д. Филипс, может стать источником неконтролируемых смещений в итоговых данных¹, при проведении исследований по сенситивной проблематике вероятность появления «ошибок сообщения», связанных с сознательной (или неосознаваемой) неискренностью опрашиваемых, многократно возрастает.

С другой стороны, по наблюдениям российских психологов, в последние полтора десятилетия в нашем обществе резко возросла нормативная поддержка различных форм лжи². Сегодня ложь и обман все чаще воспринимаются людьми как вполне нормальные и естественные (по меньшей мере, неизбежные) явления, а честность и правдивость не входят в число высоко ценимых нравственных качеств личности. Проведенные нами исследования показывают, что почти 64% опрошенных считают возможным солгать, чтобы оградить себя от назойливости и чрезмерного любопытства со стороны других людей, около 54% – чтобы сохранить в тайне свои мысли и планы, 34% – чтобы скрыть от окружающих свои собственные недостатки, ошибки и промахи; 11% респондентов стали бы, по их собственным словам, лгать и обманывать, если бы им за это хорошо платили. С другой стороны, почти каждый четвертый опрошенный (24%) выразил уверенность в том, что отвечать неискренне на вопросы

¹ См.: Phillips D.L. Knowledge from What? Theories and Methods in Social Research. Chicago: Rand McNally, 1972. P. 28.

² См.: Знаков В.В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопр. психологии. 1993. № 2. С. 13–14.

социолога (в анкете или интервью) вполне допустимо и позволительно. Сама социокультурная ситуация, сложившаяся сегодня в России, выступает благоприятной средой для массового распространения отношений лжи и недоверия между россиянами.

Вместе с тем массовая исследовательская практика свидетельствует, что социологические опросы очень слабо защищены от лжи респондентов. В результате на стадии интерпретации и анализа полученных данных социологам приходится иметь дело с неискренними ответами, удельный вес которых в итоговом массиве может быть очень высоким. Если в исследованиях на эмоционально-нейтральные темы фактологическая информация, получаемая от респондентов, будучи проверенной по объективным данным, совпадает с действительностью лишь на 80–90%, то при использовании деликатных вопросов «установочного» и поведенческого типа число совпадений снижается до 15–45%¹.

Между тем это обстоятельство редко принимается во внимание исследователями, использующими методы опроса. Анализ социологических публикаций, представленных в центральных российских журналах за последние годы, убедительно свидетельствует, что диагностика лжи в конкретных исследованиях, за редчайшим исключением, не проводится. Уровень искренности по отдельным вопросам анкеты и информационному массиву в целом при апробации инструментария обычно не измеряется. Редко предпринимаются какие-либо специальные методические усилия для профилактики неискренности респондентов.

Описанная ситуация отнюдь не единична и не случайна, поскольку методы диагностики и стимулирования искренних ответов неизвестны широкому кругу ученых и практикующих социологов. В обобщающих работах по методологии и методике социологических исследований нет специальных глав или разделов, посвященных их систематическому описанию. В учебных

¹ См.: Докторов Б.З. Метрологическая карта исследований общественного мнения // Социол. исслед. 1984. № 1. С. 120; Давыдов А.А., Давыдова Е.В. Измерение искренности респондента. М.: ИС РАН, 1992. С. 5.

пособиях для будущих социологов о необходимости контроля искренности и лжи даже не упоминается.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы дать систематическое изложение теоретико-методологических и методических основ диагностики и измерения искренности респондентов в социологических опросах. Книга написана на материалах целого ряда специальных методических исследований и экспериментов, предпринятых автором за последние годы, и учитывает многолетний опыт чтения лекций по данной проблематике студентам специальности «Социология» в Ивановском государственном энергетическом университете.

Очень хотелось бы надеяться, что данное учебное пособие поможет будущим специалистам и ныне практикующим социологам в решении задач, связанных с распознаванием лжи в опросных социологических исследованиях.

ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИАГНОСТИКИ ИСКРЕННОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ

РАЗДЕЛ I

Желая получить все то, что мы хотим, мы часто говорим не то, что разумеем.

У. Шекспир

Глава 1

ИСКРЕННОСТЬ РЕСПОНДЕНТОВ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ситуация в российской науке

На сегодняшний день проблема искренности респондентов в социологических опросах по-прежнему остается очень слабо изученной. Она находится на самой ранней стадии научного исследования и разработки. Библиографический анализ показывает, что в современной отечественной литературе по социологии специальные публикации на

этую тему появляются не часто. Явно недостаточно представлена данная проблема и на страницах зарубежной периодики.

Несколько иначе обстоит дело в западной психологии, где проблема искренности респондентов пережила своеобразный «бум» в 1940–50 гг., а затем и «ренессанс» в середине 1970-х гг. Тогда были разработаны некоторые теоретические основы данной проблемы, создан определенный арсенал методов диагностики и измерения уровня искренности, накоплен богатый исследовательский опыт¹. Вместе с этим эти наработки сегодня остаются невостребованными, а зачастую и просто неизвестными нашим социологам. В результате в специальных работах по методологии и методике социологических исследований до сих пор нет систематического описания методов обнаружения лжи респондентов, а диагностические средства, разработанные для фиксации социальной желательности в психологической науке, слабо адаптированы к практике массовых опросов.

Советские социологи 1960–70-х гг. были серьезно озабочены разработкой конкретных практических мер защиты своих исследований от различных проявлений «ситуативной лжи»². Поэтому проблема искренности в тот период находилась в фокусе исследовательского внимания и интереса. Однако с конца 1980-х гг. в этом отношении наметился явный спад. В «перестроечный» период в нашей литературе начинает утверждаться скептически-нигилистическая точка зрения, согласно которой респонденты, отвечая на вопросы анкеты или интервью, всегда говорят только правду. Так, Л.Я. Аверьянов считает, что неискренних ответов в социологических исследованиях «не бывает, есть только высказанное респондентом мнение. <...> Опрашиваемые, – пишет он, – как правило, стараются отвечать искрен-

¹ См.: Давыдов А.А., Давыдова Е.В. Указ. соч. С. 5.

² См., напр.: Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений: Проблемы методологии исследования общественного мнения. М.: Политиздат, 1967; Докторов Б.З. О надежности измерения в социологическом исследовании. Л.: Наука, 1979; Шляпенкох В.Э. Социология для всех: Некоторые проблемы, результаты, методы. М.: Сов. Россия, 1970; Он же: Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях. М.: Статистика, 1973.

не, выбирают те ответы, которые соответствуют их мнению»¹. Ложные ответы «сравнительно редки», а потому «фактор искренности-неискренности является не самым существенным в получении достоверных результатов»².

С.А. Белановский, признавая возможность искажения данных вследствие сознательной неискренности респондентов, тем не менее, заключает, что такая опасность в нашей науке «часто преувеличивается»³.

В.Ф. Журавлев, анализируя проблему «искажений» в процессе интервью, также приходит к выводу, что «...случаи преднамеренной лжи в социологических опросах, по-видимому, не столь уж распространенное явление...»⁴. Поскольку, как пишет этот автор, основная масса речевого материала, которым оперирует социолог, представлена «субъективными интерпретациями и генерализациями», то сфера бытования лжи крайне узка и ограничена ответами на фактуально-событийные вопросы. В связи с этим степень правдивости респондентов не играет существенной роли в решении проблемы достоверности опросных данных⁵.

Очень похожую точку зрения высказывают в своей работе Х. Пилкингтон и Е. Омельченко. «Человек, – пишут они, – говорит не ложь или правду, а то, что он переживает в момент говорения, в процессе беседы или интервью. Социологическое исследование отличается от криминологического расследования, кроме всего прочего, тем, что установление меры достоверности и соответствия того, что человек говорит – тому, что было на самом деле, не входит в задачи научного анализа. <...> Социолог – он потому и ученый, что не пытается докопаться до какой-то “правды” или поймать респондента на “неправде”, а старает-

¹ Аверьянов Л.Я. Искусство задавать вопросы: Заметки социолога. М.: Моск. рабочий, 1987. С. 43.

² Там же. С. 41.

³ См.: Белановский С.А. Свободное интервью как метод социологического исследования // Социология: 4 М. 1991. № 2. С. 14.

⁴ Журавлев В.Ф. Анализ коммуникаций в качественном интервью // Социология: 4 М. 1996. № 7. С. 96.

⁵ См.: Там же. С. 95–97.

ся помочь респонденту быть предельно откровенным и искренним, уберечь его от попыток подстроиться под представления воображаемого большинства или значимого авторитета»¹.

Пренебрежительное отношение к фактору искренности, заметное снижение интереса и внимания отечественных и зарубежных исследователей к этой проблеме объясняются, на наш взгляд, рядом причин: крайней трудоемкостью разработки и применения методов обнаружения лжи², ошибочным отождествлением некоторыми авторами понятий «искренность» и «истинность», неоправданным преувеличением возможностей качественных методов сбора данных. Немаловажную роль в утверждении теории «правдивого респондента» на российской почве сыграла и переоценка многими социологами достигнутого уровня демократизации нашего общества, а также излишняя эйфория, охватившая в свое время широкие круги ученых и практиков, по поводу якобы возросшей степени открытости, доверия населения к официальным властям и «прогрессирующего» желания россиян быть откровенными с интервьюерами в ходе социологических опросов. А между тем, по мнению специалистов, хорошо знающих нашу страну, готовность и желание отвечать искренне в России всегда были несравненно ниже, чем в странах Европы или в США³.

С сожалением приходится констатировать также, что концептуальные исследования искренности, как в нашей стране, так и за рубежом, носят пока разрозненный и спорадический характер, осуществляются в отрыве от методологической проблематики социологических опросов. С другой стороны, в самой социологии эти разработки по-прежнему остаются невостребованными и не применяются к решению задач, связанных с анализом

¹ Пилкингтон Х., Омельченко Е. «Зачем мне врать?» Опыт применения интервью к изучению русскоязычной миграции // Рубеж. 1997. № 10–11. С. 192–193.

² См.: Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: Учеб. пособие для вузов М.: Высшее образование и наука, 2008. С. 52; Рукавишников В.О., Паниотто В.И., Чурилов Н.Н. Опросы населения: Методический опыт. М.: Финансы и статистика, 1984. С. 83–85.

³ См.: Shlapentokh V. The Politics of Sociology in the Soviet Union. Boulder; London: Westview Press, 1987. P. 197.

и пониманием верbalного поведения респондентов. В результате теоретический потенциал, накопленный в смежных областях научного знания, не получает достаточного продолжения в нашей науке и не приводит к развитию методологии социологических исследований. Между тем очевидно, что без обстоятельной проработки понятий «искренность» и «неискренность» невозможен ни дальний теоретико-методологический анализ обсуждаемой проблемы, ни сколь-нибудь серьезные эмпирические и экспериментальные исследования в этой области.

Дискуссии в западной социологии

В современной зарубежной литературе проблема искренности респондентов оценивается неоднозначно. Там тоже имеются разные (порой диаметрально противоположные) точки зрения.

Сторонники теории «правдивого респондента», развивающейся в рамках «гуманистической» («кооперативной») парадигмы, считают, что в основе современного общества лежат отношения взаимного доверия и сотрудничества между людьми. Социологический опрос, как микромодель социальных отношений, есть гуманистическая процедура, базирующаяся на принципах открытости и кооперации. Поэтому в опросных исследованиях испытуемые в подавляющем большинстве случаев стремятся отвечать искренне. Особенно это характерно для качественных, интенсивных интервью, «полностью исключающих ложь и обман в силу повышенной интимности и эмоционального характера коммуникации»¹. Установление rapporta, т.е. эмоционального контакта между партнерами по общению, с точки зрения указанной теории ведет к наивысшей искренности респондентов, а зависимость между этими переменными оценивается как линейная. Американский антрополог М. Фрейлих, например, в 1970 г. предложил следующую схему для описания характера взаимосвязи между качеством сообщаемой в опросе информации и

¹ *Obligacion F.R. Managing perceived deception among respondents: A traveler's tale // Journal of Contemporary Ethnography. 1994. Vol. 23. № 1. P. 30.*

стилем взаимоотношений между респондентом и интервьюером (табл. 1)¹.

Таблица 1
Схема Морриса Фрейлиха

Стиль взаимоотношений.	Характер/качество информации
Уровень rapporta	
«Шпион» (нулевой раппорт)	Нулевое
«Имидж»	
Низкий уровень раппорта	Официальная информация (расхожие, общепринятые мнения)
Средний уровень раппорта	
Высокий уровень раппорта	
Интимный уровень отношений	Личная (приватная) информация

Автор, таким образом характеризует зависимость между стилем взаимоотношений в интервью и искренностью респондентов как линейную: чем эмоциональнее контакт, тем правдивее ответы испытуемых.

Обобщая практику массовых опросов в США, профессор Мичиганского университета В.Э. Шляпентох отмечает, что для американской социологии в целом весьма типичной является тенденция искать причину искажения данных прежде всего в поведении интервьюера, а не опрашиваемых. Многие исследователи, считает он, до сих пор наивно полагают, «что их респонденты – честные граждане, торопящиеся сообщить им только правду о своих взглядах и чувствах»². Абсолютизируя проблему ошибки выборки, поллстеры совсем не уделяют внимания смещениям, связанным с неискренностью отвечающих³.

С другой стороны, приверженцы «*инвестигативной*» («исследовательской») парадигмы утверждают, что между респон-

¹ См.: Salamone F.A. The methodological significance of the lying informant // Anthropological Quarterly. 1977. Vol. 50. № 3. P. 122.

² Шляпентох В.Э. «Советские социологи лучше американцев в организации опросов»: Интервью Б. Докторову // Социальная реальность. 2006. № 12. С. 69.

³ См.: Там же. С. 77.

дентами и социологом нет и не может быть никаких эмпатических и тем более гуманистических отношений. Опрос, как и все прочие социальные отношения, строится на инструментальных (т.е. корыстных, эгоистических) мотивах и действиях. Недоверие, ложь и обман со стороны респондента – нормальные и естественные явления для интервью. Поэтому социолог должен быть готов к их нейтрализации и владеть методами распознавания лжи.

Между тем *промежуточный подход* более реалистично оценивает процесс коммуникации в социологическом опросе. Ш. Харкесс и К. Уоррен считают, что зависимость между искренностью и rapportом действительно существует, но она носит нелинейный характер (рис. 1)¹.

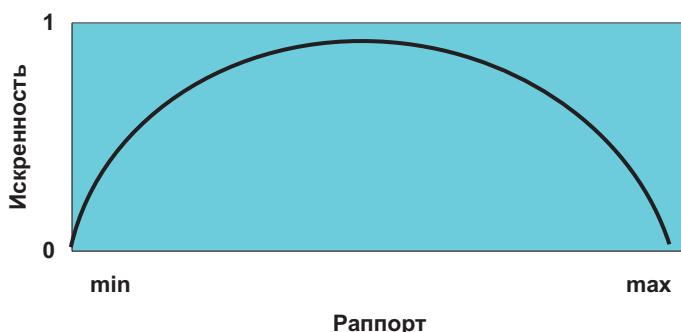

Рис. 1. Взаимосвязь между раппортом и искренностью респондентов

Таким образом, слишком близкие отношения с респондентами чреваты «ингратиацией»: опрашиваемые начинают считать, что их интервьюер заинтересован в их ответах, а потому пытаются подстраиваться под его ценности, нормы и ожидания.

¹ См.: Harkess S., Warren C.A.B. The social relations in intensive interviewing: Constellations on strangeness and science // Sociological Methods and Research. 1993. Vol. 21. № 3. P. 319.

Всегда ли респонденты говорят правду?

Что же происходит с ответами респондентов на самом деле? Действительно ли опрашиваемые всегда говорят только правду, отвечая на вопросы анкеты или интервью? И, с другой стороны, насколько важно для социолога различать правду и ложь в процессе анализа и интерпретации опросных данных? История эмпирической социологии и современная исследовательская практика дают богатейший материал для обсуждения этих сложных, но принципиальных вопросов.

В специальной литературе описано множество случаев, когда респонденты исказили свои самоотчеты.

В США первое эмпирическое исследование по измерению искренности респондентов было предпринято еще в начале 1940-х гг. Г. Хайманом. Полученные им результаты оказались шокирующими: от 17 до 42% опрошенных, как выяснилось, сообщили интервьюерам заведомо ложные сведения относительно не самых стигматизированных видов поведения. Это небольшое исследование дало мощный толчок дальнейшему развитию опросной методологии, а вывод Г. Хаймана о том, что вопрос об искренности респондентов, «без сомнений, имеет первостепенную важность для научного изучения общественного мнения»¹, стал отправным пунктом всех последующих дискуссий на эту тему.

Знаменитое денверское исследование валидности (1949) показало, что от 20 до 50% всех полученных ответов (в зависимости от содержания вопроса) не соответствовали действительности². Внешняя валидация самоотчетов, предпринятая Дж. Кларком и Л. Тиффтом в 1966 г. с помощью полиграфа, продемонстрировала, что 15% всех опрошенных студентов американских колледжей в обычном интервью преувеличили свой добрачный секуальный опыт, а еще 17,5% скрыли факты внебрачных отноше-

¹ Hyman H.H. Do they tell the truth? // Public Opinion Quarterly. 1944. Vol. 8. № 4. P. 557.

² См.: Weaver C.N., Swanson C.L. Validity of reported date of birth, salary, and seniority // Public Opinion Quarterly. 1974. Vol. 38. № 1. P. 69.

ний¹. По данным методического исследования, проведенного в 1974 г. У. Локандером, С. Садманом и Н. Брэдберном, удельный вес недостоверных ответов на вопросы, задававшиеся по телефону, колебался от 17 до 46% при сравнении их с объективными эталонами. В персональном интервью, судя по подсчетам авторов, уровень неискренности был еще выше². Но даже в тех случаях, когда социолога интересуют простые фактуальные сведения, но при этом на ответы опрашиваемых влияют престижные соображения, уровень искренности отвечающих резко снижается. Г. Трост и Р. Копони, например, обнаружили, что лишь 67% опрошенных ими студентов университетов честно сообщали в интервью свои экзаменационные оценки (но 33% все же соглашались), а в исследовании Р. Бирнбаума данный показатель оказался еще ниже – всего 48%³.

Многочисленные методические эксперименты, проведенные в последующие десятилетия, дали новые доказательства того, что «преувеличения» и «преуменьшения» в самоотчетах респондентов – весьма распространенные явления. Рассмотрим это на примере данных, полученных в различных проблемно-тематических областях исследований.

Употребление наркотиков. Валидационные эксперименты по этой проблематике обычно опираются на сопоставление ответов, получаемых в интервью, с результатами биохимических анализов испытуемых (мочи и/или пробы волос). Они свидетельствуют, что даже среди респондентов, о которых доподлинно известно, что они употребляют наркотики, диссимулация (т.е. скрытие сведений) может достигать очень высоких значений. Так, в исследовании Энглина и его коллег (1993) 39% испытуемых из числа тех, чьи тесты на присутствие сле-

¹ См.: Rodgers J.L., Billy J.O.G., Udry J.R. The rescission of behaviors: Inconsistent responses in adolescent sexuality data // Social Science Research. 1982. Vol. 11. № 3. P. 258.

² См.: Orwin R.G., Boruch R.F. RRT meets RDD: Statistical strategies for assuring response privacy in telephone surveys // Public Opinion Quarterly. 1982. Vol. 46. № 4. P. 561.

³ См.: Hamilton L.C. Self-reports of academic performance: Response errors are not well behaved // Sociological Methods and Research. 1981. Vol. 10. № 2. P. 173.

дов опиатов оказались положительными, первоначально в интервью скрыли факты употребления наркотиков. По данным Р. Харрисона (1995), несмотря на положительные результаты биохимических проб, отрицали употребление опиатов 44% опрошенных, марихуаны – 49%, кокаина – 52% и амфетаминов – 59% респондентов¹. Согласно оценкам Н.М. Фоломеевой и ее коллег, в опросах, посвященных изучению масштабов наркотребления, до 60% опрашиваемых сообщают интервьюерам заведомо недостоверные сведения².

АбORTы и сексуальное поведение. В своем исследовании 1992 г. Э. Джоунс и Ж. Forrest сравнивали ответы женщин о числе произведенных ими абортов с объективными клиническими данными. Результаты показали, что испытуемые сообщили лишь о половине всех случаев, имевших место в действительности³. Аналогичные данные приводят Дж. Джоуб и его коллеги. В проведенном ими проверочном исследовании (1997) оказалось, что лишь 52% женщин, о которых было достоверно известно, что они делали аборт в течение предшествующего года, признали этот факт в ходе интервью. Около четверти всех опрошенных, напротив, категорически отрицали, что они вообще когда-либо в своей жизни прерывали беременность⁴.

По данным Ч. Тернера и его коллег, в опросе, проведенном в режиме анкетирования (1998), число сексуальных партнеров, названное респондентами-женщинами, оказалось в среднем на 16–88% большим, чем в персональном интервью, осуществлявшемся по принципу face-to-face. Между тем, по сообщению ав-

¹ См.: Tourangeau R., Rips L., Rasinski K. The Psychology of Survey Response. Cambridge, Engl.: Cambridge Univ. Press, 2000. P. 270.

² См.: Фоломеева Н.М., Шурыгина И.И., Новикова Н.А., Чекинева Т.В. Опыт применения биографического метода в исследовании проблем наркомании // Наркомания как форма девиантного поведения / Под общ. ред. М.Е. Поздняковой. М: ИС РАН, 1997. С. 57.

³ См.: Jones E., Forrest J. Underreporting of abortions in surveys of US women: 1976 to 1988 // Demography. 1992. Vol. 29. № 1. P. 113–126.

⁴ См.: Effects of Interview Mode on Sensitive Questions in a Fertility Survey / J.B. Jobe, W.F. Pratt, R. Tourangeau et al. // Survey Measurement and Process Quality / Ed. by L. Lyberg, P. Biemer, M. Collins et al. N.Y.: Wiley, 1997. P. 271.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru